

DOI 10.31029/vestdnc81/4

УДК 394.945

«СБОРНИК АДАТОВ КАРАБУДАХКЕНТСКОЙ ОБЩИНЫ»: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Р. С. Абдулмажидов, ORCID:0000-0002-8960-2520
Институт истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН

Статья посвящена исследованию сборника адатов крупной общины Карабудахкента. Данный правовой кодекс отличается от других памятников права Равнинного Дагестана главным образом тем, что он был создан на арабском языке, без воздействия и влияния внешних факторов. При этом он представляет собой объединение нескольких общественных договоров, заключенных в разные хронологические периоды. Автор статьи осуществил полный перевод исследуемого кодекса и провел его сравнительный анализ. Проведенное исследование показало, что «Сборник адатов карабудахкентской общины» является ценным источником для изучения различных сторон общественно-политической жизни региона. В нем отчетливо проявляется стремление общины Карабудахкента регламентировать взаимоотношения различных сословий и сохранить свою политическую автономию. Кроме того, анализ статей исследуемого кодекса указывает на значительную гибкость и трансформацию адатных установлений, которые адаптировались к определенным социально-политическим условиям.

The article is devoted to the study of the collection of adats of the large community of Karabudakhkent. This legal code differs from other monuments of law of Plain Daghestan mainly by the Arabic language, it was created in, without influence of external factors. Moreover, it is a kind of union of several social agreements concluded in different chronological periods. The author of the article carried out a complete translation of the code under study and conducted its comparative analysis. The analysis showed that "Adat Jamaat Karabudakhkent" is a valuable source for studying various aspects of the socio-political life of the region under study. It clearly demonstrates the desire of the Karabudakhkent community to regulate the relationships of different classes and preserve its political autonomy. In addition, the analysis of the articles of the code under study indicates significant flexibility and transformation of the adat prescriptions, which adapted to certain socio-political conditions.

Ключевые слова: обычное право, адат, шариат, Карабудахкент, правовая культура, шамхальство Тарковское.

Keywords: customary law, adat, sharia, Karabudakhkent, legal culture, Tarkishamkhalat.

Исследователям, изучающим правовую культуру Дагестана, известны несколько правовых памятников Равнинного Дагестана. Это, прежде всего, ряд сборников адатов, опубликованных во втором томе «Адатов кавказских горцев» [1, с. 185–230]. Другим важным источником является «Сборник адатов шамхальства Тарковского и ханства Мехтулинского», изданный Х.-М. Хашаевым в книге «Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX веков» [2, с. 183–160]. Данный свод адатов, как и ряд других аналогичных кодексов, был составлен в середине 1860–х гг. по требованию начальника Кавказского горского управления Д.С. Старосельского. Кроме того, значительное внимание правовой культуре Равнинного Дагестана уделено в работах Д.-М. Шихалиева «Рассказ кумыка о кумыках» [3] и М.Б. Лобанова-Ростовского «Кумыки их нравы, обычаи и законы. Описание гражданского быта кумыков» [4]. А в 1927 г., уже в советский период, в Махачкале под редакцией М. Алибекова вышла книга «Адаты кумыков» [5]. Адатные установления, собранные в ней, носят в большей степени этнографически-бытовой характер. В целом же отличительной особенностью указанных правовых памятников является то, что все они были составлены во второй половине XIX в. непосредственно по заказу и при участии российской администрации на Кавказе.

Однако существует еще один сборник адатов кумыков, остававшийся вне поля зрения исследователей. В книжно-рукописном собрании патриарха дагестанского востоковедения М.-С. Саидова, входящем в состав Фонда восточных рукописей Института истории, археологии и этнографии ДФИЦ РАН, среди неучтенных материалов хранится небольшая рукопись на арабском языке¹, содержащая обычно-правовые установления жителей селения Карабудахкент, одного из крупнейших

¹ Рукопись обнаружил и любезно предоставил автору настоящей статьи к.и.н., в.н.с. Ш.Ш. Шихалиев (ИИАЭ ДФИЦ РАН).

населенных пунктов Равнинного Дагестана. Условно обозначенная нами как «Сборник адатов карабудахкентской общины»², она имеет следующую палеографическую характеристику: размер 17,9×11 см, бумага темно-желтоватого цвета. Рукопись дефектная: сохранилось 9 страниц, некоторые листы, вероятно, утеряны. На обороте рукописи имеется запись: «Документ обычного права. 7 лист. Купл. историч. секцией ДНИИ НК». Эта запись указывает на то, что рукопись была приобретена сотрудниками Дагестанского научно-исследовательского института национальных культур при ЦИК Дагестанской АССР не позднее 1940 г.

«Сборник адатов карабудахкентской общины» отличается от других памятников права кумыков главным образом тем, что он был составлен без воздействия внешних факторов. В отличие от других дагестанских сборников адатов, созданных в пореформенный период, правовые нормы, собранные в нем, не прошли отбор и цензуру со стороны царской администрации. Ввиду крайней малочисленности введенных в научный оборот памятников права Дагестана дореформенного периода автор настоящей статьи осуществил полный перевод данного сборника адатов. По своей структуре сборник представляет собой объединение нескольких правовых общественных соглашений, заключенных в разные хронологические периоды. Самое раннее из них датируется 1749 г., а самое позднее – 1850 г. В этой связи возникает необходимость проведения сравнительного анализа с более поздними правовыми источниками, который позволит проследить эволюцию и трансформацию правовой культуры в регионе.

Представляется также важным установление возможных различий в правовой культуре жителей Равнинного и Нагорного Дагестана, исходя из такой точки зрения, что «особенностью развития традиционного права у кумыков явилось то, что нормы адата и шариата почти всегда выносили разные наказания по аналогичным судебным делам. Кумыки, в отличие от многих народов Дагестана, больше применяли на практике нормы адата, так как их вердикт был более гуманен, а влияние теократического государства Имамат менее заметно» [6, с. 14].

Необходимо при этом отметить, что в общественно-политической структуре кумыкских феодальных владений существовали определенные различия. Если в предгорных общинах, входивших в Мехтулинское ханство и Тарковское шамхальство, правовые установления и система общественной организации в значительной степени были схожи с политико-правовой системой в сельских общинах и феодальных владениях Горного Дагестана, то в других кумыкских наследственных владениях наблюдалось большее социальное расслоение. Описывая социальные отношения кумыков в XVII в., А.С. Акбиев пишет: «Феодальные отношения сохраняли некоторые патриархальные черты. Власть феодалов над крестьянами не была полной. Беки должны были советоваться с сельскими джамаатами по многим вопросам. В XVII в. феодальные отношения на плоскости продолжали укрепляться и являлись господствующими в жизни общества» [7, с. 35].

Что касается самого Карабудахкента, то источники сообщают нам, что к середине XVII в. он был центром довольно крупного феодального владения. Знаменитый Эвлия Челеби, который останавливался в нем на несколько дней, отмечает его как «Карабудахское ханство», а сам Карабудахкент называет городом. Судя по его сведениям, он действительно был в то время крупным политическим, экономическим и культурным центром: «В этом городе имеются три бани, одна харчевня, семь начальных школ, три медресе, два текке дервишей ордена накшбенди, три постоянных двора для купцов. Но крытого рынка и больших торговых рядов в городе нет, монет местной чеканки тоже не имеется. В городе много садов; климат очень умеренный. Здесь нет тюрьмы. [В этом городе] компаний не водят, с друзьями время не проводят. Не пьют никаких вин и крепких напитков. Они не знают, что собой представляют всякие опьяняющие средства, но беспутные [люди] пьют кумыс и бузу. Улемы и пожилые люди пьют густую [темную] вкусную бузу под названием «макшеме» [8, с. 117].

² В тексте название селения Карабудахкент передается как «Гъарабудагъ».

Якоб Рейнеггс, побывавший в Карабудахкенте уже в 70-х гг. XVIII в., выделяет его среди других городов шамхальства: «...великое и многолюдное поколение..., которое богаче всех прочих почитается, потому что в нем находится великое множество овечьих стад и трудолюбивых женщин, многочисленные сады их, вкусные плоды, а именно: фигвы, яблоки, груши и орехи умножают доходы сего поколения, которое считает в себе 3000 дворов» [9, с. 271]. По его данным выходит, что Карабудахкент в этот период был в три раза больше, чем Тарки, центр шамхальства Тарковского, и в нем говорят на «особливом языке». Хотя есть определенные сомнения в правдоподобности приведенных Рейнеггсом сведений, поскольку, по другим источникам, Тарки был самым крупным населенным пунктом шамхальства [10, с. 353–354].

Нам представляется, что имущественное расслоение в Карабудахкенте к концу XIX в. не было сильно выражено. По свидетельству С. Кардашова, учителя Карабудахкентского училища, «богатым здесь считается вообще такой человек, который при неимении долгов, за покрытием расходов на несложные домашние нужды свои, имеет еще 100 или 50 рублей чистого дохода. В Карабудахкенте последнего разряда людей может найтись не более десяти человек. В Карабудахкенте, скорее общая бедность» [11, с. 180].

Как следует из ряда статей исследуемого кодекса, джамаат Карабудахкента стремился к ограничению власти привилегированного сословия. В одной из них отмечается: «Также они решили с этого дня оставить выполнение посевных работ под названием «булкъя», которыми занимаются свободные... Этот договор и соглашение были заключены в 1163г.х.³ Из этого договора исключается старший эмир селения, то есть его «булкъя» сохраняется за ним, как это было принято по адату в прежние времена»⁴.

Под упоминаемыми в кодексе «эмирами», на наш взгляд, следует подразумевать упоминаемых в историографии «карачи-беков». Как следует из хроники «История Кавказа и селения Карабудахкент, кумукские селения, когда у них возникали судебные дела, разрешали их у карачиев в Эрпели, Губдене, Карабудахкенте» [12, с. 53]. Известный дагестанский востоковед Г.М.-Р. Оразаев поясняет: «Речь идет о социальном институте *карачи-бек* или *карачи-бей* (кум. *къарачы-бий*), который существовал в некоторых местах Дагестана – Эрпели, Ишкарты, Каранае, Ахатлы, Карабудахкенте, Губдене и в Гамринском магале. Карачи-беки традиционно считали, что они «древние хозяева», и что их княжеский род древнее шамхальского. Как сообщается в некоторых источниках, в Эрпели хранилась книга «Исмаил-куран», где записывались «все достопамятные постановления карачинского сословия» [12, с. 82].

О карачи-беках есть упоминание и в известной хронике А. Бакиханова: «Нынешние Карачи-беки в Губдене, Карабудахкенте и в других деревнях являются потомками Губдена» [13, с. 81]. Другой источник сообщает: «Некоторые исследователи относят происхождение карачи-беков (*карачи* – от джагатайского глагола *карамак* – «смотреть, наблюдать») ко времени заселения прибрежной части Дагестана к северу от города Дербента кумыками. По другой же версии карачи-беки ведут свое начало от трех братьев – выходцев из Аварии (членов аварской династии), поселившихся вначале в с. Губден. Затем один из братьев, по имени Карабудах, отделился от остальных и основал селение Карабудахкент. Потомство этих братьев впоследствии распространило свою власть и на другие селения» [14, с. 287].

«Записка временной комиссии о владении Шамхалов Тарковских и повинностях, отбываемых жителями» указывает на отсутствие повинностей в Карабудахкенте в пользу беков: «Прочие же деревни, равно как и 3/4 деревни Гелли, кроме Карабудахкента и Губдени, отбывают повинности бекам и чанкам. Последние же две деревни никаких повинностей никому из владельцев ее несут» [15,

³ 1163 г.х. начался 10 декабря 1749 г.

⁴ Цитаты из исследуемого «Сборника адатов карабудахкентской общины» здесь и далее выделены нами курсивом.

с. 72]. Под термином *булкъя* следует понимать повинность, которую несли жители ряда кумыкских селений в пользу беков. *Булкъя* (*бильха*) представлял собой разнообразные виды барщины⁵.

Одна из статей «Сборника адатов карабудахкентской общины» устанавливала и другие ограничения для беков: *«Также они согласились не давать право бекам отбирать имущество, которое они и их предки дали в виде вознаграждения за услужение им. И разрешено им пользоваться [этим имуществом] по мере возникновения необходимости. И ничего из этого имущества они не должны возвращать. Они (беки) дали друг другу клятву придерживаться этого.*

И они решили, что будут следить за теми, кто будет нарушать данное установление. И достигнет того, кто не будет соблюдать это решение, проклятие Аллаха, ангелов и всех людей». Эта правовая норма была принята не позднее 1814 г.

Однако заключенное в 1844 г. «Карабудахкентское общественное соглашение» свидетельствует об усилении власти карабудахкентских беков: *«Мы пришли к соглашению и были едины также в том, что земля и вода селения Карабудаг находятся в ведении (фи ихтийар) карабудагских князей со времен их древних предков.*

Мы пришли к соглашению и были едины в том, что мы не имеем ни земли, ни воды, если они [князя Карабудага] не распределят между нами; не имеет ни земли, ни воды все население Карабудага и среди равнинных (сахл) земель Карабудага. [С этих земель] мы платили князьям Карабудага либо мареной (андум), либо ее эквивалентом (саман) – по усмотрению (фи ихтийар) самих князей (умара)» [16, с. 128–129].

По данному правовому акту жители Карабудахкента должны были один день в году «выходить всем селением» для того, чтобы на землях «старшего эмира» проводить посевные работы, жатву, обмолот (*йазлык*). При этом указывалось, что эти работы выполняются по причине пользования водой и землями, которые находились в собственности «старшего эмира». Отмечается также, что жители Карабудахкента «обязаны нести в пользу эмиров Карабудахкента еще и службы частного порядка» [17, с. 107].

На возникновение данного соглашения, на наш взгляд, повлияло то, что царская администрация на Кавказе, видя в феодальном сословии проводников своей политики, была заинтересована в усилении их влияния в местных обществах. Не случайно в первой половине XIX в. большая часть территории Равнинного Дагестана была передана под власть шамхала Тарковского. Более того, как следует из «Карабудахкентского общественного соглашения», практически в каждом возмещении ущерба за совершенное преступление заключалась доля, отдаваемая карачи-бекам (эмирам): «Тому (из них), кто становился (старшим эмиром), состоящим над нами, жителями Карабудахкента, предоставляли мы право на получение выкупа (с преступников) за убийства, кражи и за другие преступления, (делая это) из-за воды и земли. У эмиров же земель, окружающих Карабудахкент с четырех сторон, – будь то шамхал или кто-либо другой, не было тогда права на соучастие (в получении) выкупов за преступления, имевшие место в Карабудахкенте. Здесь, однако, исключением является ситуация (с выкупами за преступления), совершенные людьми, которые пришли в Карабудахкент в качестве гостей...

Эмиры потребовали от нас теперь бумагу, говорящую, что правителем над нами, карабудахкентцами, должен быть человек из их рода, и мы им такой документ дали, подтверждая здесь, таким образом, наше согласие с ними, эмирами, в названном вопросе. Точнее сказать, мы подтверждаем

⁵ Известны различные виды *бильха*: «а) Сабан-бильха – выставка плугов для распашки полей владельца, в числе, какое может снарядить население, обязанное нести эту повинность. Плуги в ханстве бывают двух родов, именно: шестипарные в одном Большом Дженгутае и однопарные в прочих селениях. От владельца зависит потребовать часть плугов весной, часть осенью, но те хозяева, кои исполнили уже один раз работу весной, не могут быть потребованы осенью. б) Бичан-бильха – выставка по одному косяку с дома на день для кошения и уборки владельческого сена. в) Урак-бильха – выставка жнецов по одному с дома на один день для уборки владельческих посевов» [15, с. 44].

здесь, что они – (потомки Карабудаг-Атая), – издавна управляли нами, что перечисленные выше службы в пользу эмиров существуют со времен наших самых отдаленных предков [17, с. 107–108]⁶.

В одном из дел, разбиравшемся в Дагестанском народном суде в 1881 г., отмечается, что при разделе общественной земли в Карабудахкенте «на местности Гирей-туз, сначала выбирают для себя участки, без жребия, местные беки, каждый по 8 каба посева и воду в надлежащем количестве, затем, таким же порядком выбирают для себя чанки по 4 каба посева; а оставшееся затем пространство распределяется по жребию между узденями, по расчету на каждого по 2 каба» [18, с. 198].

Вместе с тем целый ряд источников указывает на то, что джамаат Карабудахкента стремился к определенной политической автономии. Об особом статусе Карабудахкента и стремлении его жителей к независимости и самоуправлению прямо свидетельствует и одно из установлений исследуемого памятника права: *«Кроме того, они [жители Карабудахкента] согласились разрушить дома тех, кто пойдет к сыновьям шамхала и к самому шамхалу без разрешения на то жителей Карабудахкента или не были ими туда отправлены. В случае если выяснится, что кто-либо пошел к ним, то по отношению к нему применяется это решение, даже если он будет беком или узденем»*. Аналогичное соглашение было выписано также известным ученым-богословом А. Каяевым из «трактата, представляющего собой каноны Карабудахкента» [17, с. 107].

Отношение жителей Карабудахкента к власти шамхалов отчасти объясняет Джамалуддин Карабудахкентский, автор упомянутой «Истории Кавказа и селения Карабудахкент», который в несколько эмоциональной форме выражает к ним целый ряд претензий: «Их правление напоминало приемы диких животных. Они не различали разницы между хорошим и дурным. Несмотря на то, что это нехорошо, они руководствовались в своих решениях законом “Тёре” – “Дурара”. А из шариата они брали только то, что представляло для них интерес. Низменными были как их строй (организация), так и дела. В шариате давали волю фантазии. пытки, которыми они наказывали людей, они заимствовали из “Тёре” Чингиз-хана, руководствуясь законами “Дурара”.

Такие их безнравственные дела и насилия привели к разнообразным обстоятельствам. И внутри зародились распущенность, воровство. По этой причине наступила междоусобица среди них, и каждый из них создавал свой удельный центр в Дагестане...

Из-за того, что они отказались в установлении справедливости законов во внутренних делах, законы, принятые для предотвращения злых намерений шамхала и его сыновей, были очень близки к законам Чингизхана, чем к законам шариата. Хотя сами утверждали, что некоторые установления они заимствовали из предписаний шариата» [12, с. 65]. О возможных заимствованиях из монгольского права в правовой культуре народов Дагестана отмечает и Т.М. Айтберов [19, с. 33].

По мнению Г.М.-Р. Оразаева, антишамхальские настроения в Карабудахкенте наблюдались не только в «светской (княжеской и узденческой) среде, но и среди религиозных деятелей», о чем свидетельствуют «неодобрительные, утрированные, довольно желчные и порою даже иронические высказывания» Джамалуддина Карабудахкентского относительно неприемлемых для мусульман адатов, якобы существовавших в Шамхальстве [12, с. 101]. Выражая сомнения в применении шамхалами постановлений чингисхановской «Ясы», Г.М.-Р. Оразаев подобные антишамхальские настроения в Карабудахкенте связывает с событиями начала XVIII в., когда во время Персидского похода Петра I карабудахкентские беки, в отличие от шамхала Тарковского, вступили в вооруженное противостояние с российскими войсками, следствием чего стало разграбление и сожжение селения. Это вполне могло привести к возникновению антагонистских настроений между джамаатом Карабудахкента и шамхалом Тарковским.

Наличие этого противостояния подтверждает и «Письмо шамхала Адиль-Гирея Петру I о желании жителей Кубачи, Губдена и Карабудахкента принять русское подданство» от 1 октября 1722 г.,

⁶ Здесь приводится перевод другого варианта «Карабудахкентского соглашения», который, на наш взгляд, в большей степени учитывает тонкости адатного права.

в котором Тарковский владетель сообщал, что жители Карабудахкента пришли к нему и объявили, «что хотя де мы были прежде сего в.и.в. противники, однако ж желают ныне быть верны, и чтоб не токмо присягу учинить готовы, но и по желанию в. и. в. аманатов дать. Тако ж обещают впредь никакую мне, шамхалу, противность не учинить, того для прошу, чтоб взятые есыри назад им возвратимы были. Мнение мое, раба в. в., что, кроме взятых с Муртазалеем, протчие вышеозначенных народов есыри на Тереке оставлены быть имеют, пока увидим, что поступки их не фальшивы, а буде же неправдою они будут поступать, и о том буду в. и. в. уведомить, понеже они, вышеозначенные народы, в Дагестане знатные суть, и тем их склонить возможно будет; в. и. в., прибыльнее иметь больше приятелей, нежели неприятелей» [20, с. 44–45].

Судя по всему, антишамхальские настроения Карабудахкента наблюдались и в последующем. Известный дагестанский арабист Али Каяев сообщает подробные сведения о конфликте жителей Карабудахкента с шамхалом Тарковским уже в начале XIX в.: «Во времена нахождения Ермолова в Дагестане Махди-шамхал предпринял попытку превратить общинников Карабудахкента в своих райятов, и заставить их вносить в его пользу подать “кенд-ясак”. Община Карабудахкента категорически отвергла эти притязания, заявив, что их предки никогда не знали такой повинности, и они не намерены терять свою независимость. Получив жесткий ответ от карабудахкентцев, Махди-шамхал оклеветал их перед Ермоловым, заявив, что они готовят восстание против царских войск, расквартированных на равнине.

Ермолов, поверив навету Махди-шамхала, приказал повесить карабудахкентца Акми-Ису, сына Мухаммеда, и некоторых других членов общины. Жителя Карабудахкента Булата, сына Муртаза-Али, и некоторых других его товарищей по его приказу Ермолова арестовали и отправили в Кизлярскую тюрьму. Булат и его друзья находились в заточении и в тюрьме семь лет, по истечении этого срока вернулись в родное село. Эти события произошли в 1234 г.х./1818 году» [21, с. 88].

По сведениям А. Каяева, уже в 1837 г. шамхал Абумуслим, как и его отец Махди-шамхал, предпринимает новую попытку обложения налогами жителей Карабудахкента, которые решительно отклонили притязания шамхала. В ответ на это шамхал Абумуслим оклеветал их перед генерал-адъютантом, кн. М.З. Аргутинским, обвинив в заключении тайного союза с имамом Шамилем и подготовке нападения на русские войска. М.З. Аргутинский, поверив оговору шамхала, приказал арестовать наиболее видных представителей Карабудахкента, которых затем выслали в Николаевскую губернию. Правителем Карабудахкента был назначен Залибек, сын шамхала Абумуслима⁷, который стал притеснять жителей Карабудахкента.

Возмущенные ущемлением своих прав, жители Карабудахкента подняли вооруженное восстание. Окружив дома Залибека и его приближенных, они подвергли их грабежу и огню. Для умиротворения карабудахкентцев были брошены войска под командованием поручика, кн. И.Д. Орбелиани, который смог «успокоить жителей Карабудахкента, оставив в их руках все имущество и ценности Залибека, которые тот приобрел насильственным образом» [21, с. 90].

Надобно полагать, именно вследствие притеснений жителей Карабудахкента со стороны Тарковских шамхалов, являвшихся, как правило, вместе с другими дагестанскими феодалами приверженцами адатного права, в исследуемом кодексе неоднократно подчеркивается приоритетность принятия решения по шариату. Одно из его адатных соглашений, принятое жителями Карабудахкента в 1828 г., гласит: *«Жители Карабудахкента, беки и простой народ согласились решать все споры, которые будут происходить между ними только по шариату, даже если спор произойдет из-за одного дирхема».*

Необходимо отметить, что противостояние адата и шариата в Дагестане продолжалось на протяжении нескольких столетий. Так, несмотря на приведенное выше установление о привер-

⁷ Здесь А. Каяев допустил неточность, поскольку Залибек был сыном шамхала Сулеймана, брата шамхала Абумуслима [22, с. 233].

женности шариату, последующие правовые нормы исследуемого кодекса указывают на некоторое отступление от него: «Также они согласились не применять шариат в отношении того, кто отдал свое имущество другому в виде «кагъ»⁸. В случае если произойдет из-за этого спор. И да постигнет проклятие Аллаха того, кто нарушит это» (рис. 1). Однако, как свидетельствует источник, позднее в Карабудахкенте и ряде других соседних селений подобный способ отчуждения собственности был признан легитимным в отношении женского пола: «Даже беки, устраняющие вообще, согласно бекскому адату, женщин от наследства, признают действительность назра, сделанного в пользу женщин (показание представителей от Карачи-чанков селений Гели, Карабудахкента, Губдена и Эрпели в деле Дагестанского нарсуда 1880 г., № 359)» [18, с. 198].

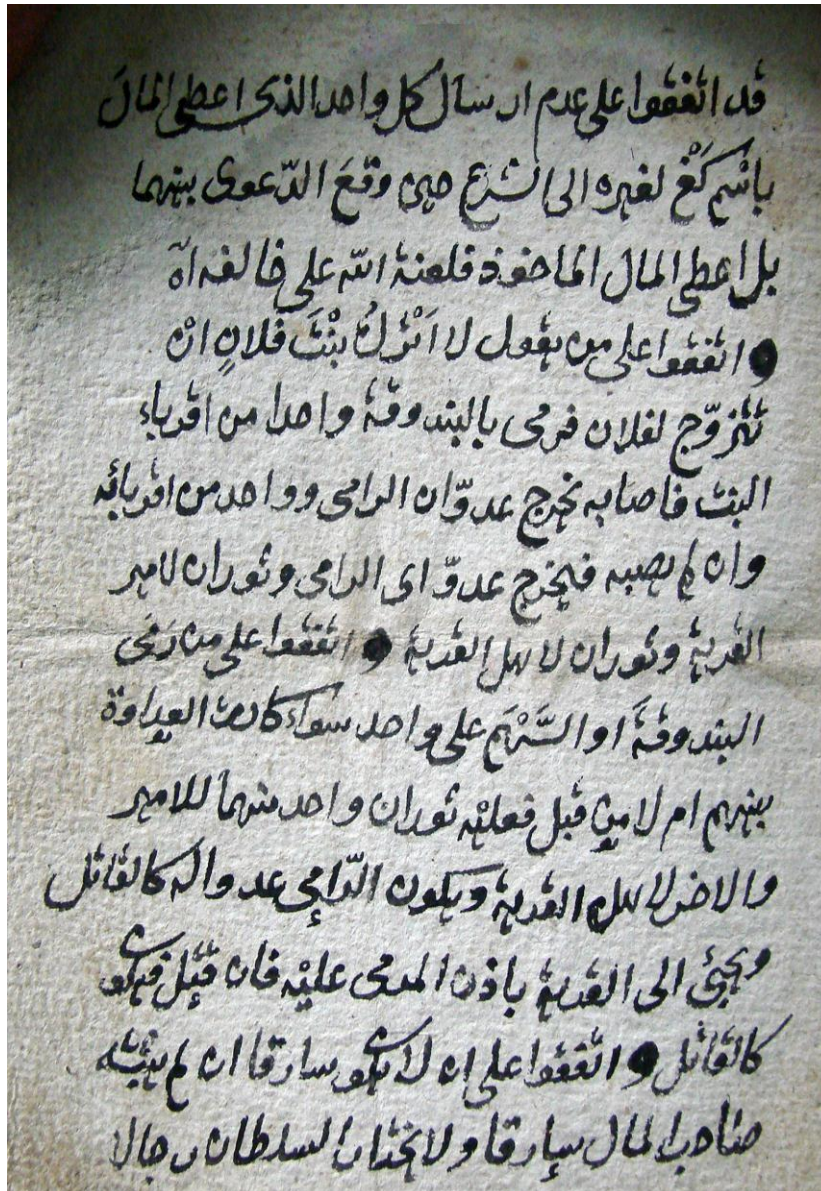

Рис. 1. Страница рукописи «Сборник адатов карабудахкентской общины», л. 5а.
Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд М.-С. Саидова

⁸ На наш взгляд, здесь речь идет о наследовании по завещанию или договору дарения, объединенных в мусульманском праве под термином *назр* (обет). В Дагестане на протяжении долгого времени шла интенсивная полемика по вопросам *назр*. Особую известность получил диспут между известными учеными Мухаммадтахиром ал-Карахи и Хаджиалиал-Акуши.

Ряд других правовых установлений исследуемого кодекса также свидетельствуют о выборе решений по тем или иным деликтам в пользу адата. Одно из них прямо указывает на сохранение возможности обращения к судопроизводству по адатам: «Они согласились с тем, чтобы налагать штраф на того, кто будет не согласен с решением кадия селения или решением знатоков адата селения и потребует обращения к кадию или знатокам адатов из других селений».

Подобный правовой плюрализм наблюдался в Дагестане повсеместно. К примеру, джамаат селения Акуша, центра одноименного союза общин, «решил, что будут следовать шариату и нормам обычного права (расм), а также решению кадия и его муаззина. Тот же, кто уклонится или воспротивится этому решению, на того возлагается штраф в размере быка» [23].

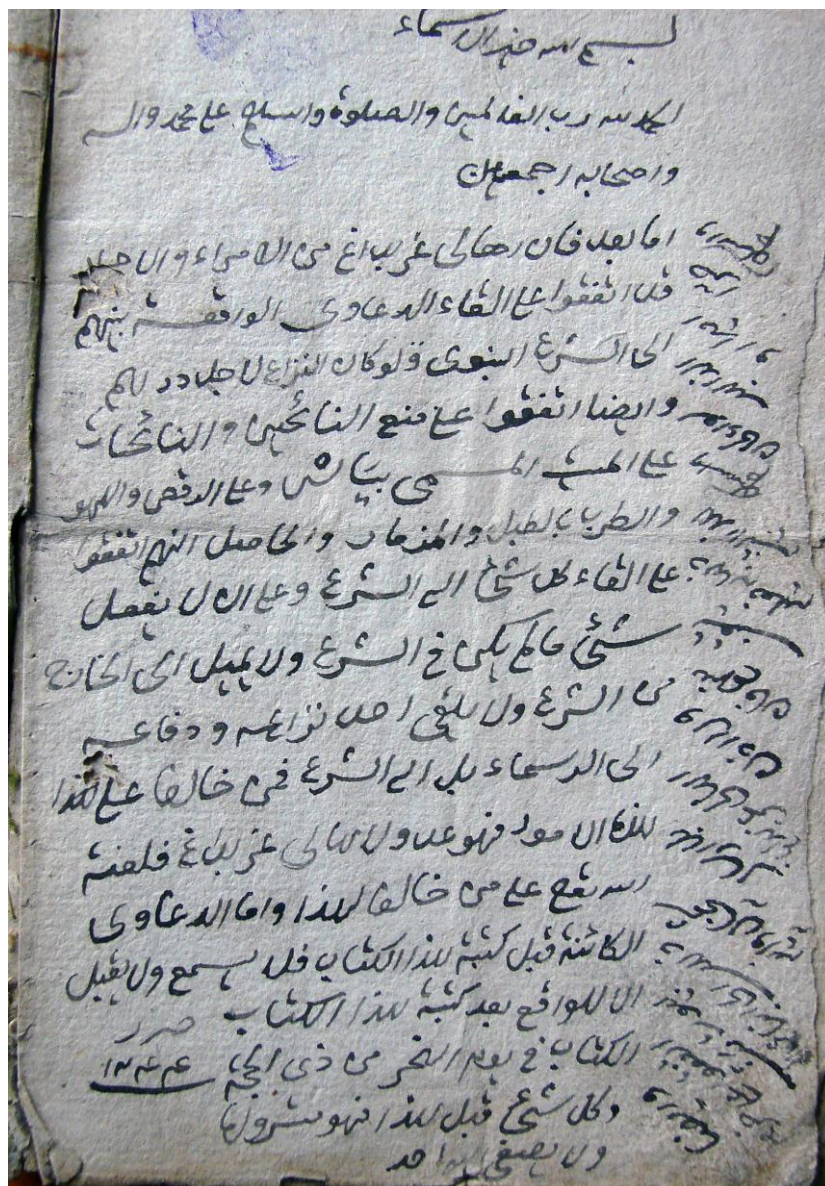

Рис. 2. Страница рукописи «Сборник адатов карабудахкентской общины», л. 7а. Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд М.-С. Саидова.

В заключительной части «Сборника адатов карабудахкентской общины», несмотря на указанное допущение в нем адатных установлений, вновь подчеркивается необходимость строго следо-

вать канонам шариата: «Также они установили запрет обряда для плакальщиц оплакивать покойного, который называется «яс»⁹. А также танцевать, играть на барабанах и зурне.

И в целом, они согласились с тем, что во всем будут обращаться к шариату. И не совершать ничего такого, что запрещалось бы шариатом и выходило за его границы.

И чтобы ни один не обращался за решением своего спора к тем, кто решает их по адатам. И тот, кто не будет соблюдать эти нормы, то он является врагом для жителей Карабудахкента. И пусть его проклянет Аллах.

А иски (споры), которые произошли до составления настоящего договора не принимаются, и к ним нельзя прислушиваться. Составлено это соглашение в 1266 г.¹⁰ месяце зульхиджа в день жертвоприношений. Все, что до этого произошло в селении, не берется во внимание» (рис. 2).

Объяснение противоречивости адатных установлений исследуемого кодекса адатов кроется не только в том, что он представляет собой соединение разновременных правовых соглашений. На наш взгляд, здесь идет речь не столько о категорическом отрицании адатного судопроизводства, сколько о том, чтобы применяемые адаты не противоречили принципам мусульманского права. К началу XVIII в. практически на всей территории Дагестана уже окончательно утвердился ислам, и, следовательно, мусульманское право выступало в качестве основного регулятора общественных и правовых отношений. При этом, согласно справедливому заключению известного российского исследователя мусульманского права Л.Р. Сюкияйнена, «в исламском мире всегда сосуществовали самые разные традиции, обычаи и правовые системы. Их взаимодействие и даже взаимовлияние с шариатом говорят не о его слабости, а, наоборот, о его силе и жизненности, способности развиваться и соответствовать своему времени» [24, с. 20].

Считается, что имперская администрация на завоеванных мусульманских территориях пыталась закрепить адат в качестве основного источника народного правосудия. Вместе с тем роль шариата в дагестанском обществе, с его высокой степенью религиозности, не могла игнорироваться. Не случайно Н.Н. Балкашин, один из царских чиновников, в 1887 г. отмечал необходимость особого отношения к мусульманам Российской империи: «...согласно с мнением Государственного совета не признавать заключающиеся в Коране гражданские и уголовные законы священными, но не воспрещать мусульманам, не исключая киргизов, оканчивать свои дела миролюбиво по этим законам, т.е. по шариату, особенно в тех случаях, когда адат не удовлетворял бы тяжущихся. Тогда шариат получал бы значение только писанного обычного права и приравнивался бы к нему» [25].

Много внимания в исследуемом кодексе уделено вопросам наследственного права, которое в Дагестане традиционно находилось в ведении мусульманского права. Однако местное привилегированное сословие нередко пыталось выйти за рамки, которыми шариат ограничивал раздел имущества покойного. Как следует из адатной нормы исследуемого правового памятника, жители Карабудахкента пресекали эти попытки: «Также они решили, что их беки (амиры) не имеют права забирать ничего из имущества покойного, если у него остались какие-нибудь наследники. Или же в том случае если хозяин имущества еще жив, они (беки) забирают это имущество в присутствии двух справедливых свидетелей. А в том случае если он уже умер, и у него взяли это имущество без свидетелей, то оно у них (беков) отбирается.

Если кто-нибудь из этих беков убил кого-то, то они не имеют права забирать что-либо из его имущества. А все имущество убитого получают его наследники.

⁹ Как писала С.Ш. Гаджиева, «обряд оплакивания покойника у кумыков называется «яс» (слово это по происхождению арабское и означает «печаль»). Плачи носят название «яс» или «ваях» (ваягь). Ваях, очевидно, исконно кумыкское домусульманское название похоронного обряда и сопровождающих его причитаний. Термин «яс» ныне употребляется чаще «ваяха», что, по-видимому, связано с утверждением среди кумыков ислама» [26, с. 47].

¹⁰ Месяц зульхиджа 1266 г.х. начался 17 октября 1850 г.

Если у этого покойного осталась всего лишь одна дочь, даже если она будет хромой, и не осталось никого другого, и сама эта дочь является женой одного из находящегося под властью бека, то имущество, отобранное у него (покойного), передают ей».

Подобный адат, устанавливавший запрет на передачу наследства в пользу беков, содержится и в «Постановлениях кайтагского уцмия Рустем-хана»: «Никто не должен завещать имение свое в пользу бека или чанки. Кто же сделает такое завещание, того вместе с семейством изгонять из селения. А кто будет упрашивать и советовать, чтобы такого завещателя оставить, того дом разрушать» [18, с. 183].

Примечательно, что шамхал Тарковский уже после вхождения Дагестана в состав Российской империи также соглашался с тем, чтобы вопросы семейного и наследственного права решались по шариату, но с определенными оговорками: «Дела сватовства и женитьбы, равно приведение в известность имения после умерших предоставляются разбору, согласно закона магометанского, сельских кадиев или духовников; но с тем только, что ежели коснется суд сей до взыскания, тогда кадии обязаны учинить на бумаге решительное определение [и] вручить местному начальству, которое, смотря на обстоятельства, если взыскание или показание маловажное, то решает само; в противном доносит о том управляющему шамхальством, который тоже в случае важности преступления доводит до сведения российского правительства, которому предоставляется исполнить наказание» [27]. Вопросы наследственного права кумыков наиболее обстоятельно были изложены в «Сборнике адатов жителей кумыкского округа 1865 г.», в специальной главе под названием «О разделе имущества по наследству» содержатся подробные правила передачи наследуемого имущества [1, с. 228–230].

Как следует из вышеизложенного, кумыки, так же как и другие народы Дагестана, в наследственном праве стремились придерживаться установлений, вытекающих из шариата. К примеру, одна из статей сборника адатов союза общин Келеб¹¹ прямо указывала на то, что «если возникнет спор о наследстве умершего, то следует обратиться к дибиру» [2, с. 65]. В этом аспекте «Сборник адатов карабудахкентской общины» и вовсе грозил обвинением в вероотступничестве в случае предпочтения адату в наследственном праве: *«Также они решили применять шариат при разделе имущества покойного между родственниками и наследниками. Как об этом говорится в благородном Коране. И, кто не будет подчиняться и содействовать этому, тот не является мусульманином. Как об этом говорит Всевышний Аллах. Тот, кто не выносит решения согласно божественной Книге, то они являются неверными грешниками и преступниками. И пусть настигнет проклятие Аллаха того, кто не принимает этого».* Однако, несмотря на это, в дагестанских реалиях, в условиях малоземелья и ограниченных материальных ресурсов, при дележе наследства происходило множество конфликтов. Вследствие этого многие дагестанские общины выработали негласные адатные правила, которые регулировали этот процесс [27, с. 586–601].

Некоторая часть правовых установлений «Сборника адатов карабудахкентской общины» посвящена регулированию семейно-брачных отношений. Вопреки бытующему у современных обывателей мнению о существовании «обычая» похищения невесты, адаты указывают на жесткую реакцию общества на подобные случаи: *«Если кто-нибудь похитит чью-то дочь, то его дом сносят, а старший правитель взыскивает с него в свою пользу двух быков, а также двух быков в пользу селения. И похититель изгоняется из селения, и не возвращается, до тех пор, пока его не простят родственники девушки».* При этом обвиненного в похищении, прелюбодеянии или изнасиловании, как это было принято в Дагестане, стремились связать брачными узами с потерпевшей. Если он давал

¹¹ Ныне в составе Шамильского района Республики Дагестан.

согласие на женитьбу, то освобождался от всяких штрафов и был обязан дать ей «*один матраc, подушку, одно одеяло, одежду, которая называется акъдан и кукдан*»¹².

Другой адат был направлен на профилактику разводов и сохранение семьи: «*А также они согласились, что если кто-нибудь из узденей даст развод своей жене, а затем пожалел об этом и пошел в другие селения в надежде на восстановление своего брака, то с него взимается один бык в пользу правителя (амир), а другой в пользу узденей*».

Заслуживает упоминания и тот факт, что исследуемый «Сборник адатов карабудахкентской общины» устанавливал срок давности совершенного преступления (7 лет) и ему было известно понятие рецидива. Обвиненный в воровстве по обвинительной присяге в первый раз лишь возмещал причиненный ущерб: «*Жители селения согласились не изымать имущество по присяге с того человека, кто еще не был уличен в краже. И присяга против него считается недействительной*». Если же воровство совершал вор-рецидивист, то с него требовали возмещения ущерба в кратном размере. Из другой адатной нормы следует, что, если проступок совершал человек с сомнительной репутацией, то это также принималось во внимание: «*Они согласились, что если на мужчину напала женщина, известная среди людей плохим, порочным поведением, и ударила его ногой, а он в ответ ударил ее палкой или кнутом, или чем-нибудь другим, то в пользу них обоих ничего не взыскивается. И ни один из них не несет ответственности*».

Таким образом, «Сборник адатов карабудахкентской общины» содержит крайне интересные сведения о развитии правосознания и правовой культуры одного из дагестанских этносов. Обозначенные в начале настоящей статьи утверждения о якобы приоритетности именно у кумыков судопроизводства по адату не находят подтверждения. Что касается различий адатного права Равнинного и Горного Дагестана, то, на наш взгляд, к XVIII в. доминирование на всей территории Дагестана мусульманского права привело к унификации дагестанских адатных установлений. Некоторые расхождения были связаны с наличием или отсутствием сословных различий в тех или иных общинах. В этом отношении, как показывает характер и содержание статей, содержащихся в исследуемом памятнике права, Карабудахкент занимал промежуточное положение между общинным и феодальным укладом. Основные отличия «Сборника адатов карабудахкентской общины» от аналогичных правовых памятников других дагестанских областей касались размеров назначаемых композиций за совершенные преступления, что в целом зависело от уровня хозяйственно-экономического положения конкретных общин. В остальном он полностью соответствует принципам и подходам, применявшимся в других дагестанских общинах, независимо от их географического расположения и этнической принадлежности.

«Сборник адатов карабудахкентской общины» представляет собой ценный источник и для анализа различных сторон общественно-политической жизни исследуемого региона. Значимость его особенно возрастает с учетом того, что при его создании на него не влиял внешний фактор (царская администрация); он не составлялся в спешке и путем опроса знатоков адата, как это было характерно для целого ряда других дагестанских сборников адатов. Он возник вследствие заключения нескольких общественных договоров (*утифакъат*) в одном из крупных кумыкских джамаатов. Вместе с тем в нем отчетливо проявляется стремление общины Карабудахкента регламентировать взаимоотношения различных сословий и сохранить свою политическую автономию. Анализ статей исследуемого кодекса указывает также на значительную гибкость и трансформацию адатных установлений, которые адаптировались к определенным социально-политическим условиям.

¹²«Акъдан» (белая) и «Кукдан» (синяя) – так у кумыков называлась определенная одежда, отдаваемая невесте в виде брачного дара. Подробное описание размера и вида калыма и брачного дара содержится в диссертационной работе Ю.М. Гусейнова [6, с. 20]

ЛИТЕРАТУРА

1. Адагы кавказских горцев / сост. *Ф.И. Леонтович*. Одесса, 1883. 396 с.
2. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. : архивные материалы / сост. *Х.-М.О. Хашаев*. М.: Наука, 1965. 280 с.
3. *Шихалиев Д.-М.М.* Рассказ кумыка о кумыках. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1993. 126 с.
4. *Лобанов-Ростовский М.Б.* Кумыки, их нравы, обычаи и законы / предисл. *С.Ш. Гаджиевой*. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 2002. 80 с.
5. *Алибеков М.* Адагы кумыков / пер. *Т. Бейболатова*. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1927. 40 с.
6. *Гусейнов Ю.М.* Адат и шариат в семейном и общественном быту кумыков в XIX – начале XX вв. : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Нальчик, 2012. 30 с.
7. *Акбиев А.С.* Социальные отношения кумыков в XVII в. // Тезисы докладов научной сессии, посвященной итогам экспедиционных исследований Института ИЯЛ в 1990–1991 гг. Махачкала, 1992. 200 с.
8. *Эвлия Челеби*. Книга путешествия. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). Вып. 2. Земли Северного Кавказа, Поволжья и Подонья. М.: Наука, 1979. 288 с.
9. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / сост., введ., вступит. ст. к текстам и примеч. проф. *В.Г. Гаджиева*. Махачкала, 1992. 304 с.
10. *Алиев Б.Г.* Доктор медицины Якоб Рейнегтс о Тарковском шамхальстве // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15, № 3. С. 345–359.
11. Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XI. Тифлис: Канцелярия Главногоначальствующаго гражданской частию на Кавказе, 1891. 320 с.
12. *Оразаев Г.М.-Р.* Исторические сочинения Дагестана на тюркских языках XVII – нач. XX вв. (тексты, комментарии). Кн. 1. Махачкала: Эпоха, 2003. 332 с.
13. *Бакиханов А.К.-А.* Гюлистан-Ирам / ред., коммент., примеч. и указ. *З.М. Бунятова*. Баку: Элм, 1991. 307 с.
14. Кавказский календарь на 1917 г. Тифлис: Главное упр. Кавказского наместника, 1916. 1069 с.
15. Феодальные отношения в Дагестане конце XIX – начале XX в. : архивные материалы / сост., предисл. и примеч. *Х.-М.О. Хашаев*. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1969. 396 с.
16. Письменные памятники Дагестана. XVIII–XIX вв. : сб. ст. / сост. *Х.А. Омаров*; отв. ред.: *А.Р. Шихсаидов*. Махачкала: ИИЯЛ, 1989. 184 с.
17. *Айтберов Т.М.* Хрестоматия по истории права и государства Дагестана в XVIII–XIX вв. Т. 2. Махачкала: Изд-во ДГУ, 1999. 120 с.
18. Из истории права народов Дагестана : материалы и документы / сост. *А.С. Омаров*. Махачкала: Изд-во Даг. филиала АН СССР, 1968. 240 с.
19. *Айтберов Т.М.* Древневосточные правовые памятники и дагестанские параллели. Махачкала, 2006. С. 33.
20. Русско-дагестанские отношения : сб. документов / под ред. *В.Г. Гаджиева*. М.: Наука, 1988. 357 с.
21. *Къаяев А.* Лакку мазрал ва тарихрал материалу (Каяев А. Материалы по лакскому языку и истории). Махачкала: Наука – ДНЦ, 2010. 488 с. (На лак. яз.).
22. *Алиев К.М.* Таргу-наме. Лексикон. Махачкала: Новый день, 2001. 291 с.
23. Фонд восточных рукописей ИИАЭ ДФИЦ РАН. Фонд М.-С. Саидова. Оп. 5. № 84.
24. *Сюкияйнен Л.Р.* Шариат и мусульманско-правовая культура. М.: Институт государства и права РАН, 1997. 46 с.
25. *Балкашин Н.Н.* О киргизах и вообще о подвластных России мусульманах. СПб.: Тип. Министерства внутренних дел, 1887. С. 49.
26. *Гаджиева С.Ш., Аджиев А.М.* Похоронный обряд и причитания кумыков // Семейный быт народов Дагестана. Махачкала: Дагфилиал АН СССР, 1980. С. 47–67.
27. *Абдулмажидов Р.С., Тупцова Л.К.* Адат и шариат в наследственном праве народов Дагестана // История, археология и этнография Кавказа. 2019. Т. 15, № 4. С. 586–601.

Поступила в редакцию 20.02.2021 г.
Принята к печати 26.06.2021 г.